

Книга рассказней

Автор:

[Герман Гессе](#)

Книга рассказней

Герман Гессе

В этой книге немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии Германа Гессе (1877–1962) автор предстает тонким стилизатором, мастером историко-литературной игры. Здесь можно встретить легенду времен Римской империи или раннего Средневековья, любовную историю в духе итальянского маньеризма, стилизацию французской новеллы, фантастическую притчу, антиутопию. В основе книги – авторский сборник «Fabulierbuch» («Книга рассказней»).

Герман Гессе

Книга рассказней

Осада Кремны[1 - DIE BELAGERUNG VON KREMNAРассказ написан в 1908–1909 гг., первая публикация – 1910 г., вошел в сб. «Fabulierbuch». Сюжет рассказа отнесен ко времени правления в Риме так называемых «иллирийских императоров» (вторая половина III в. н. э.), когда римские власти столкнулись со множеством восстаний в провинциях.]

Во времена императоров Аврелиана, Тацита и Проба в малоазийских провинциях Исаврия, Писидия и Ликия, уже в те времена снискавших дурную славу разбойничьего гнезда, имя некоего Лидия наводило ужас на местных жителей. Родом он был из Исаврии, родился при Филиппе Аравийском, и почти все его

предки были разбойниками. Отец его нашел конец во время набега на Ликию, дед и два дяди в один день расстались с миром на виселице. Его подлинное имя неизвестно; с двадцати лет он называл себя Лидием и под этим именем прославился в тех местах.

От природы Лидий был умным и сообразительным человеком, храбрым, но осмотрительным в начинаниях. Он умел обходиться с людьми и обращать их любовь или ненависть себе на пользу. Посему он стремительно двигался от успеха к успеху и уже в юности познал славу и власть, не уставая от них и не пресыщаясь ими. Но за порогом тридцатилетия, когда ему стали удаваться все более дерзкие и невероятные выходки, спесивый хмель непобедимости ударил ему в голову, он преступил положенные богами пределы и в конце концов оказался поверженным.

Во время похода по Киликии, предпринятого Лидием со своей многочисленной кликой, к нему примкнул ионийский грек по имени Гефестий, служивший до того киликийским морским разбойником, а теперь решивший влиться в это знаменитое воинство. С того времени Лидий мог справляться с еще более крупными делами, и удача сопутствовала ему, потому что этот Гефестий был хитроумным, ловким человеком, полным всяческих затей. Он прекрасно говорил на пяти языках, умел чертить карты и вести разведку, разбирался в военном деле и знал, как вести осаду, но более всего прославился как меткий стрелок и механик. Он строил изоощренные метательные машины, которые поражали цель на большом расстоянии и наверняка, будь то стрелой или камнем, в дальнем бою знал, как с выгодой использовать любую местность, а во время осады руководил земляными работами.

Лидий хорошо знал, каким сокровищем был этот человек. Он приказал оказывать ему почести и обходился с ним любезно, отдавая двойную долю добычи и сажая подле себя. А поначалу он отнесся к нему не без недоверия и ревности, поскольку опасался, как бы этот греческий искусник не превратился в опасного соперника, который в конце концов однажды его сметет. Однако вскоре он понял, что Гефестий, превосходя его в некоторых искусствах и дарованиях, не был прирожденным вожаком. Тот и в самом деле, при всем своем уме, не годился в предводители; не было у него для этого властного взгляда, внушительной осанки и бесстрашия, без которых никто не сможет удержать в повиновении и покорности и малую горстку мужчин. Поэтому Лидий оставил свои подозрения, и грек был вполне доволен положением советника и первого из подчиненных, не стремясь при этом к господству.

Долгое время разбойничье воинство, насчитывавшее несколько сотен бойцов, пребывало в провинции Писидия, что в Памфилии. Крестьяне лишались скота и хлеба, плодов и вина, горожане и торговые гости – денег и товаров, и никто не смел противиться могущественному предводителю. Жалобы и мольбы о помощи шли наместнику провинции, а также в Рим, императору и в сенат, время от времени отряд солдат направлялся против разбойников, но бывал или разбит, или же возвращался ни с чем, потому что разбойники скрывались от превосходящего противника в непроходимых, расщелистых горах Тавра.

Так постепенно Лидием овладела неумная гордыня и уверенность, что он сможет, если придется, помериться силой даже с Римской империей и императором, чья мощь столько раз оказывалась против него бессильной. Он дерзко бросил вызов самой государственной власти, не щадил солдат и чиновников и порой заговаривал о том, что подумывает отвоевать у империи всю провинцию и превратить ее в свою вотчину. Дело и в правду было за малым, ведь Лидий жег целые деревни и селения, забирал все, что ни пожелает, и, кроме сотен отчаянных и опытных бойцов, повсюду были его соглядатаи и укрыватели, осведомители и тайные союзники.

Тем временем в Риме место прежнего немощного правителя занял император Проб, храбрый и законолюбивый. Все новые жалобы и отчаянные призывы о помощи из этого пользующегося дурной славой уголка Малой Азии вскоре побудили его отдать строгий приказ и заставить тамошнего наместника объявить разбойникам настоящую войну. Лидий вскоре ощутил, что настало время проявить свою мощь и презрение к Римской империи. Поскольку его повсеместно преследовали и теснили дозоры римских войск, он решил оказать им открытое сопротивление и отважился на большой мятеж.

Был в Писидии город Кремна, возведенный на отвесной скале Тавра, природой и человеческой хитростью превращенный в неодолимую крепость, поскольку с трех сторон он висел над глубокой пропастью, а с четвертой был защищен мощной стеной. Вот этот город Лидий и решил захватить и превратить в свой оплот, чтобы отсюда противостоять всему миру. Он держал совет с Гефестием и некоторыми приближенными разбойниками, и те одобрили его намерения, после чего уже неделю спустя он принялся за выполнение своего отчаянного замысла.

Однажды апрельским утром у ворот Кремны появился десяток мужчин, неприметно поднявшихся крутой горной тропой. Они захватили ворота без шума и заметного сопротивления, подняли над ними красный флаг и со смехом

позволили двум до смерти напуганным стражникам бежать. Вскоре на гору поднялось все разбойничье воинство Лидия. Впереди ехал верхом на муле предводитель, красивый смуглый мужчина с черными, злыми глазами. Он молча дал знак своим людям, которые на радостях принялись петь и шутить, чтобы они затихли. Он внимательно разглядывал дорогу и гордо вознесшийся над обрывом город. Он сознавал, что движется навстречу самому большому своему испытанию и что покинет эти стены или увенчанным лаврами победителем, или покойником. Задумчиво смотрел Лидий вверх, на высокие крепостные стены, возможно в глубине души чувствуя, что счастье переменчиво, но сохраняя хладнокровие и твердость, потому что страх был ему неведом. Его прищипывала тайная гордость, что он, не знавший своего отца ловец удачи, вступает властелином в укрепленный римский город.

За ним пешим порядком следовало его войско, сотня отборных бойцов, лучших из тех, что у него были, а далее шел обоз: возы с добром и провиантом, а также стадо угнанного скота. Замыкал процессию Гефестий, восседавший на серой горной лошадке, кроме предводителя – единственный всадник, маленький тихий мужчина с лицом, на первый взгляд обычным и безобидным, но в каждой морщинке которого таилась сотня хитростей.

В город они вступили спокойно и уверенно. Горожане изумленно и встревоженно наблюдали за тем, что происходит, о сопротивлении никто не думал, и праздные зеваки в переулках, стоявшие или присевшие в тени, громко подшучивали над вооруженными пришельцами, а те не оставались в долгу.

Из маленького дома, на первом этаже которого была мастерская резчика по дереву, вышла высокая девушка с кувшином на голове; остановившись, она изумленными глазами провожала войско. Гефестий, ехавший позади, на несколько мгновений поймал взгляд ее распахнутых карих глаз, залюбовался красоткой, кивнул ей с приветливой улыбкой и поскакал дальше, мурлыча последнюю строфу старинной ионийской любовной песенки.

Лидий тем временем обосновался в доме градоначальника и повелел глашатаям объявить, что отныне он властитель твердыни Кремна. Поскольку его люди вели себя достойно и не угрожали ни собственности, ни свободе горожан, никто не противился захватчику. Разнеслась весть, что он – знаменитый Лидий, и многие обрадовались возможности увидеть наводившего ужас героя своими глазами. Он не обратил на это внимания, велел своим людям становиться на постой и вскоре, выставив часовых, удалился в свои покои. Город зашумел и развеселился,

большинство воинов нашли любезных и благосклонных хозяев, пение разносилось по улицам. Гефестий же устроился в доме того самого резчика по дереву и завоевал расположение бедных людей парой серебряных монет. После этого он неспешно и в добром расположении духа направился к своему предводителю и провел у него вторую половину дня, обсуждая замыслы. Вечером он потчевал своих хозяев вином и мясом, играл на кифаре и пел веселые песни, рассказывал о дальних странах, а в ногах у него сидела статная кареглазая девушка, положив голову ему на колени, а он играл ее длинными волосами. Ее звали Феба, она не последовала за ним в его комнату, но пообещала сделать это завтра, чем он и удовольствовался.

На следующий день Лидий получил известие, что против него, как он и ожидал, выступило римское войско и оно уже приближается. Он собрал всех бойцов на рыночной площади и повелел принести присягу и незамедлительно начал готовить испуганный город к осаде. Двум сотням горожан вместе с челядью в тот же день было велено оставить город, при этом им было позволено взять с собой все движимое имущество, за исключением съестного. Стенания и испуг воцарились во всех домах, но никто не осмелился возражать, и вечером изгнанники ушли. На следующий день за ворота отправили еще сотню, а кое-кто сам бежал, движимый страхом смерти.

Через неделю показалось римское войско, поднимавшееся с равнины, вернулись и изгнанные горожане в сопровождении поручителя наместника, который потребовал принять их обратно и предложил Лидию покинуть город. Молча вступили горожане в распахнутые ворота, но посланник так ответа и не дождался.

На следующее утро Кремна была окружена большим войском и оказалась в осаде. Лидий был явно доволен, его затея удалась, и он был полон решимости скорее погибнуть вместе со всем городом, чем уступить. Начал он с того, что велел сбросить вернувшихся накануне изгнанников в пропасть, в самом высоком и видном месте. Угрозы и проклятия неслись из уст падавших, обреченные сопротивлялись всеми силами, некоторые же сами прыгали в бездну, а в городе воцарились тишина и ужас. Каждый чувствовал, какое отчаянное дело затеяно, и каждый дрожал за свою жизнь. Кто мог, бежал тайными тропами, оставшиеся в страхе затаились в домах и подвалах. С этого дня в городе больше не было собственности, все продовольствие было конфисковано Лидием. Он сам появлялся то там, то тут, приказывал и отчитывал, а кого и хвалил. Его людям досталась тяжелая работа. Дело в том, что Лидий велел снести часть домов,

землю перекопать и удобрить, а потом засеять хлебом.

Немногие оставшиеся в городе жители, едва ли треть прежнего населения, вскоре оказались в отчаянном положении. Ведь весь скот, все запасы зерна, муки, вина, плодов и прочего продовольствия Лидий отобрал и держал у себя в хранилищах. Ежедневный паек мяса, хлеба и вина выдавался всем поровну, но только тем, кто целый день проводил на земляных и строительных работах. Прочие были отданы во власть голода и на милость разбойников, снисходивших разве что до женщин.

Гефестий помог своим хозяевам, резчику по дереву и его жене, бежать и дал им денег на дорогу, дочь же их оставил при себе и теперь жил с ней, и она была ему и любовницей, и служанкой разом. Однако ж за ее прелестями он не забывал своих обязанностей и прилежно занимался составлением чертежей, продумыванием планов и наблюдением за противником. Порой, когда кто-нибудь из находившегося внизу римского войска осмеливался подобраться слишком близко, Гефестий направлял на него метательный снаряд и бил без промаха. Что же касается осаждавших, то их снаряды и камни лишь изредка достигали возвышавшегося над ними города, да они особенно и не старались, решив взять разбойников измором. Поэтому Лидий при содействии Гефестия делал все, чтобы отвратить наступающий голод. Мясо солили и коптили, зерно и муку хранили как можно тщательнее, каждый свободный клочок был засеян, и наконец Гефестию пришла в голову мысль прорыть подземный ход на волю. Работа тут же началась, попадавшие на пути природные пещеры и расщелины помогали дерзкой затее, и через месяц с небольшим ход был готов.

Население тем временем сильно поредело. Перед тем как начать рыть ход, Лидий на целый день открыл ворота, и толпы бесполезных едоков покинули город. С того времени никому не было позволено выходить, чтобы не выдать потайной ход. Зато каждого, кто не годился для тяжелой работы и жаловался на голод, без долгих разговоров сбрасывали со стены, и для грифов, ястребов и лис, обитавших в пропасти, настали дни пира.

Подземный ход был вырыт под руководством Гефестия и вел к небольшому ручью, протекавшему позади лагеря римлян. В день, когда ходом впервые можно было воспользоваться, Лидий при всех обнял грека и одарил золотой цепочкой на шею. Теперь в осажденном городе началась веселая жизнь. Через подземный ход каждый четвертый или пятый день доставлялись в изобилии краденые и купленные мясо, хлеб и прочие припасы, вина тоже было вдоволь, и

защитники отдыхали от тяжелой работы, отъедаясь за двоих. Слышалась игра на флейте, стук игральных костей и пение, девушкам было велено танцевать, а сам Лидий устроил на рыночной площади попойку, на которой он восседал, увенчанный венком. Так продолжалось до лета, и римский лагерь у веселого города разбойников наполнился недовольством и усталостью. Время от времени римляне пытались ночью прорваться в город, поднявшись по головокружительным тропам. Но у Лидия была чуткая стража. Где бы ни показалась в бурой расщелине голова, где бы ни послышались шаги, в то же мгновение туда обрушивался град стрел и каменных снарядов.

Летом же однажды случилось так, что женщина, у которой пропала корова, пошла вечером на поле ее искать. В небольшой расщелине, среди ивовых зарослей и скалистых откосов, она бродила в поисках коровы, как вдруг услышала голоса, испугалась и спряталась за камень. Тут она увидела, как будто из-под земли появились мужчины и ушли в долину, к горам. Надеясь на хорошее вознаграждение, женщина тут же побежала к римскому военачальнику, рассказала ему об увиденном и в самом деле получила за это золотую монету с изображением предыдущего императора. Военачальник же взял незамедлительно сотню воинов и устроил засаду, и, когда разбойники возвратились с добычей, все они были схвачены. Ход же завалили и приставили к нему крепкую стражу.

С этого дня беззаботная жизнь в Кремне кончилась. Вина людям больше не давали, паек муки и мяса Лидий урезал наполовину. Ему было ясно, что отныне единственный для него выход – сражаться до последнего и умереть непобежденным.

День и ночь расхаживал Лидий по городу и размышлял о том, что бы ему предпринять. Взгляд его стал мрачнее тучи. С обнаженным мечом он ходил по домам и, если находил кого бесполезного, зарубал на месте. Поощрил он лишь мужчин, нужных для несения стражи, а также нескольких женщин, которые считались общей собственностью разбойников. Один только Гефестий, уверенный в своей незаменимости и надежно спрятавший наложницу, оставался в добром расположении духа и хладнокровно взирал на бурные события. Другие же были охвачены ужасом, и никто больше не был уверен, что останется в живых, а паек день ото дня становился скуднее. Лидий не смыкал больше глаз и в любое время дня и ночи не расставался с оружием. В течение дня в его покоях царил тяжелая, мертвая тишина, но ближе к ночи он выходил, словно хищный зверь из своего логова, и где-нибудь закалывал мечом или сталкивал в пропасть

одинокое дозорного, без которого, как ему казалось, можно было и обойтись.

Некоторые из разбойников решались убить Лидия. Однако никто не мог выдержать его свирепый взгляд, и все эти грубые мужчины с ужасом понимали, что человек этот был одержим демоном и потому двигался навстречу ужасной судьбе. Гефестий и несколько верных десятских помогали ему стеречь склад и тихо следовали за ним, когда он отправлялся в этот жуткий обход, чтобы снова зарубить своею рукой одного или двоих из его же людей. Стали поговаривать, будто он питается кровью своих жертв, выпивая ее из еще трепещущего тела.

Вскоре эта одержимость смертью заронила в него недоверие даже к самым верным и надежным приспешникам. Так, однажды ночью он прокрался к домику, в котором поселился Гефестий, и проведал, что тот живет с Фебой.

На следующий день он вызвал к себе грека и заявил:

- Ты спрятал у себя девушку. Доставишь ее ко мне, когда стемнеет.

Гефестий испугался. Он вовсе не желал отдавать свою голубку, но раз он не мог оставить ее при себе, убил ее вечером ударом кинжала в сердце, завернул мертвое тело в ковер и велел двоим мужчинам отнести в жилище Лидия.

На следующий день Гефестий стоял у своей метательной машины на крепостной стене и наблюдал за врагом. К нему подошел Лидий и с улыбкой сказал:

- Спасибо за пригожую девушку. Ты мог бы еще сослужить мне службу. Направь свою машину на верхнюю надвратную башню и подстрели часового. Мне этот пост больше не нужен.

Грек, еще ощущавший на своих руках кровь девушки, пристально посмотрел на Лидия и отказался.

- Стреляй сам! - сказал он. - У меня нет снарядов для своих.

Тогда Лидий подозвал трех человек, всегда сопровождавших его и преданных ему как собаки, и повелел схватить Гефестия, раздеть его донага и избить прутьями. После этого он ушел, и больше Гефестий, как казалось, его не

занимал.

Механик же хорошо понимал, что жить ему осталось недолго. Он спрятался в пустой цистерне, дождался ночи и прыгнул со стены наудачу вниз, взяв в руки натянутое на два лука полотнище, чтобы падение его было плавным. Затея удалась, и он оказался живым в римском лагере, где потребовал отвести его к военачальнику. Гефестий открылся ему и попросил освобождения от наказания, а в ответ обещал добиться падения крепости.

И это удалось ему уже несколько дней спустя. С помощью римских инженеров Гефестий соорудил метательную машину, которая позволяла посылать снаряды на высоту городской стены. А поскольку он точно знал место, где Лидий, по обыкновению, стоял и наблюдал за врагом через проем в стене, то в то время, когда Лидий должен был быть там, он направил туда снаряд с железной стрелой.

На этом осада Кремны закончилась. Стрела попала Лидию в глаз и смертельно ранила его. Однако еще целый день, собравши волю в кулак, он продержался на ногах, убил еще двоих и потребовал от своей клики, когда почувствовал, что смерть неудержимо приближается к нему, принести ужасную клятву, что после его кончины они не сдадут города, а будут защищать его до последней капли крови.

Однако как только он умер и страшный взгляд погас на потемневшем лице, люди его словно очнулись от загадочного наваждения, надругались над покойным и сдались на милость осаждавших.

Влюбленный юноша[2 - DER VERLIEBTE]?NGLING
Легенда написана и опубликована в 1907 г., вошла в сб. «Fabulierbucli».]

Эта история приключилась во времена преподобного Илариона.[3 - имеется в виду преподобный Иларион из Газы (291–372) – ученик св. Антония Великого, основатель монашества в Палестине, прославился излечением бесноватых и одержимых. Фигура Илариона вновь появляется в романе «Игра в бисер».] В родном городе этого святого, в Газе, жили простые и благочестивые супруги, которых Господь благословил дочерью, умницей и красавицей. Нежное создание

подростало в смирении и страхе Божиим на радость всем окружающим; наставляемая родителями на добрые дела, она в своей благопристойной миловидности была пригожа, словно ангел Господень. Белое лицо ее обрамляли темные, блестящие локоны, смиренно опущенные очи оттеняли длинные, бархатно-черные ресницы, своими маленькими изящными ножками она ступала проворно и легко, словно газель в пальмовой роще. На мужчин она не поднимала глаз, потому что, когда ей было четырнадцать лет, ею овладел смертельный недуг, и родители дали обет определить ее в невесты Христовы, коль будет ей суждено выжить, и Господь принял их жертву.

И вот в эту девичью чистоту влюбился один юноша, живший в том же городе. Он был пригож лицом и строен телом, родители его, люди состоятельные, дали ему примерное воспитание и наставление в науках. Но как только он воспытал страстью к той прекрасной девушке, он оставил все занятия и только и делал, что искал повода, как бы увидеть ее, и, когда это удавалось, застывал в очаровании и впивался в прекрасное создание вожденным взором. А если ему в течение дня не доводилось ее узреть, он бродил бледный и мрачный, не притрагивался к пище и часами предавался отчаянию.

Юноша, воспитанный добрым христианином, отличался кротким и благочестивым нравом, но отныне эта бурная любовь полностью овладела его душой. Молитва не шла ему на ум, и вместо того, чтобы помышлять о благочестивых делах, думал он только о длинных черных волосах девицы, о ее кротких прекрасных глазах, о румянце и очертаниях ее губ, о точеной, белой шее и маленьких проворных ножках. Однако он не дерзал открыть ей свою великую любовь и страсть, поскольку прекрасно знал, что она не намерена выходить замуж и не знала иной любви, кроме любви к Богу и родителям.

В конце концов, истомленный желанием, он все же написал ей длинное умоляющее письмо, в котором выразил свою горячую любовь и проникновенно просил ее внять его словам и вступить с ним, когда придет срок, в счастливый и богоугодный брак. Он надушил послание изысканной персидской пудрой, обвязал его шелковым шнурком и тайно отправил девице со старой служанкой.

Прочитав эти слова, девица зарделась как мак. В смятении она была готова разорвать письмо или тут же показать его матери. Но так как она хорошо знала юношу еще ребенком и испытывала к нему расположение, а также распознала в его словах известную скромность и кротость, она этого не сделала и вернула письмо старухе со словами: «Отнеси это обратно тому, кто его написал, и скажи,

чтобы он никогда больше не обращался ко мне с такими словами. Передай ему также, что родители определили меня в невесты Христовы и я никогда не отдам руки своей мужчине, но должна и хочу в своей девственности служить Богу и почитать его, потому что его любовь для меня превыше и дороже человеческой любви. Скажи ему, что ничья любовь не станет для меня дороже любви Божьей и я останусь верна своему обету. Тому же, кто написал письмо, я желаю мира в Боге, который превыше всякого разумения. А теперь ступай и знай, что я никогда более не приму от тебя посланий».

Служанка, пораженная такой стойкостью, вернула письмо своему господину, не преминув передать ему все, что сказала девица.

И хотя служанка прибавила много слов утешения, юноша разразился громкими стенаниями, разорвал на себе одежды и посыпал главу пеплом. Он больше не осмеливался попадаться на пути своей возлюбленной и пытался лишь увидеть ее издали. По ночам он лежал без сна в своем покое, выкликая ее имя и сотню сладких, нежных, ласковых слов, называл ее светом жизни и своей звездой, своей козочкой и своей пальмой, усладой очей своих и жемчужиной, а когда приходил в себя от горячечных видений и обнаруживал, что он один в темной комнате, то скрипел зубами, проклинал Бога и бился головой о стену.

Земная любовь затмила и заглушила в его сердце страх Божий. И дьявол тут же нашел лазейку в его душу и стал толкать его на одно злодеяние за другим. Юноша поклялся, что добудет прекрасную девицу, если надо, то даже силой. Он отправился в Мемфис, поступил в школу языческих жрецов Асклепия и принялся изучать колдовское искусство. Целый год он с большим усердием предавался этому занятию, после чего вернулся домой в Газу.

Тогда он начертал на медной табличке знаки и могущественные заклинания, бывшие сильным приворотным средством. Эту самую знахарскую табличку он закопал ночью у порога дома, в котором жила девица.

Уже на следующий день девушка переменилась, ее прежде так скромно потупленные глаза стали игривыми, она распустила волосы, и они развевались по ветру, она пропускала службу и пренебрегала молитвами и напевала любовную песенку, которой ее никто не учил. Ее нрав менялся день ото дня, а ночами она металась на подушках и громко выкликала имя юноши, называла его любимым и призывала его.

Такая перемена не долго оставалась незамеченной родителями замороженной девицы. Обратив внимание на ее слова и поступки, они стали подслушивать ее, в том числе и ночью, и пришли в такой ужас, что отец «негодной дочери», как он ее назвал, был готов изгнать ее. Мать, однако, упростила его потерпеть, они стали размышлять, что же случилось, и проведали, что дочь их предалась такому распутству из-за ворожбы.

Так как девица по-прежнему была одержима, более того, выкрикивала богохульства и громко призывала своего возлюбленного, родители вспомнили о святом отшельнике Иларионе, который уже несколько лет жил вдали от города, в пустыне, и стал так близок Господу, что все его молитвы бывали услышаны. Он излечил столько больных и столько раз изгонял дьявола, что наряду со святым Антонием ему подобало звание самого могущественного праведника Господа того времени. К нему и повели они свою дочь и рассказали все, что случилось, умоляя и прося его об исцелении.

Преподобный Иларион повернулся к девице и воскликнул:

– Так кто превратил тебя из рабы Божьей в сосуд злой похоти?

Девушка же посмотрела на него, худого и опаленного солнцем, и принялась над ним издеваться, похваляться своей белой кожей и пышным телом, а старца обзывать тощим пугалом, так что бедные родители пали на колени и закрыли головы свои от стыда. Иларион же улыбнулся и распознал вселившегося в девушку беса, против которого он тут же применил такие сильные заклинания, что тот назвал свое имя и во всем сознался. Старец изгнал ожесточенно сопротивлявшегося беса из девицы, та очнулась, как от горячего сна, узнала и приветствовала своих плачущих родителей, попросила преподобного Илариона о благословении и с этого момента была той же благочестивой невестой Господа, что и прежде.

А юноша все ждал, пока приворотное средство ее покорит и приведет к нему в руки. Окрыленный надеждой, провел он несколько дней, в течение которых с девицей происходили описанные события. Тем временем она исцелилась и вернулась в город. Как-то он шел по переулку и вдруг заметил, что вдали показалась она, и двинулся ей навстречу. Когда она приблизилась, он увидел, что чело ее светится прежней чистотой, более того, лицо ее излучало такую умиротворенную красоту, будто она шествовала прямо из рая. Пораженный, юноша замер и застыдился своего бесчинства. Однако он не мог смириться, и,

когда она оказалась совсем близко, он, полагаясь на совершенную ворожбу, подошел к ней, схватил за руку и спросил:

– Любишь ли ты меня?

Девушка не смущаясь подняла взор, и ее ясные глаза вспыхнули пред ним как звезды. Свет всепроницающей доброты излился на него, она пожала в ответ его руку и сказала:

– Да, брат мой, я люблю тебя. Я люблю твою заблудшую душу и прошу тебя, вырви ее из власти зла и верни ее Господу, чтобы она вновь стала чистой и прекрасной.

Ее слова тронули сердце юноши, глаза его наполнились слезами, и он воскликнул:

– Неужто я должен навечно отречься от тебя? Но повелевай мною, отныне я буду делать только то, что ты пожелаешь.

Она улыбнулась улыбкой ангела и отвечала:

– Нет нужды отрекаться от меня навечно. Придет день, и мы предстанем пред престолом Господа. Потщимся же взглянуть Ему в очи и выдержать Его суд. И тогда я стану твоей подругой. Лишь недолгое время нам предстоит провести порознь.

Молча отпустил он ее руку, и она с улыбкой пошла дальше. Юноша какое-то время стоял как зачарованный, а потом пошел и запер свой дом и отправился в пустыню, чтобы служить Господу. Его красота улетучилась, он исхудал и потемнел от солнца и делил свое жилище с пустынными тварями. А когда усталость и сомнения одолевали его, не было ему другого утешения, чем стократно повторенные ее слова: «Лишь недолгое время...»

А все же долгим оно оказалось, его время: он седел, пока не стал совсем белым, и пробыл на земле восемьдесят один год. Да что такое восемьдесят лет? Время летит, словно на крыльях. С тех пор как с юношей приключилась эта история, прошла тысяча и не одна сотня лет; а как скоро забвение сотрет и наши дела и

имена, и не останется от нашей жизни другого следа, кроме разве что маленькой зыбкой легенды...

Казнь[4 - HINRICHTUNGПритча написана в 1908 г., опубликована в 1910 г.]

Путешествуя в сопровождении нескольких из своих последователей, Учитель спустился с гор на равнину и подошел к стенам большого города, перед воротами которого собралось великое множество народа. Когда они подошли ближе, то увидели установленный эшафот, плаху и палачей, занятых тем, что стаскивали истощенного темницей и пытками человека с позорной колесницы и волокли к плахе. Толпа же, собравшаяся на это зрелище, напирала, издевалась над осужденным и оплевывала его, нетерпеливо предвосхищая предстоящую казнь радостными криками.

- Кто этот человек, - спрашивали друг друга ученики, - и что он натворил, если толпа так неистово жаждет его смерти? И нет никого, кто бы выказал сочувствие или проронил слезу.

- Я думаю, - сказал Учитель печально, - что это еретик.

Они пошли дальше, и, когда достигли толпы, ученики участливо осведомились у людей об имени и преступлении того, кого они как раз видели простертым на плахе.

- Это отступник, - гневно восклицали люди, - наконец-то он склонил свою проклятую голову! Смерть ему! Воистину, этот пес пытался убедить нас, что в райском граде всего лишь двое ворот, а мы-то знаем, что ворот двенадцать!

В изумлении ученики обратились:

- Как тебе удалось угадать это, Учитель?

Тот усмехнулся и продолжил путь.

– Это было нетрудно, – проговорил он тихо. – Если бы он был убийцей, или вором, или другого рода преступником, мы увидели бы в народе жалость и сочувствие. Многие бы плакали, кто-нибудь клялся бы в его невиновности. Но ежели кто обладает собственной верой, то его убиение люди созерцают без сочувствия, а труп его бросают на съедение псам.

Негостеприимная встреча[5 - ?BLE AUFNAHMEЛегенда написана в 1912 г., опубликована в 1912 г., вошла в сб. «Fabulierbucli».]

Нрав человеческий многообразен, истина же едина, так что нередко люди самого различного склада оказываются объединенными в братство под одним знаменем. Едва лишь святой Франциск Ассизский[6 - Св. Франциск Ассизский – принадлежал к числу любимых фигур Г.Гессе, о которых он неоднократно писал.] ушел из жизни и избавился от разочарований, от которых и святые не всегда могут уберечься, как уже повсюду появились ревностные ученики и последователи его радостной и детской веры, распространяя повсеместно светлые слова своего учителя и сладостную милость его учения. Даже в далекую суровую Англию проникло несколько братьев-францисканцев, и двое из них, Эгидиус и Готлиб, неразлучно странствовали в 1224 году, при короле Генрихе III, по земле англосаксов.

Эгидиус был из них старшим, был он и благочестивее, ибо уделом его было покаяние за долгие годы растроченной в мирских утехах и заблуждениях жизни, и он цеплялся за избавительное учение о милости, как цепляется терпящий кораблекрушение за последнее бревно, за которое он может ухватиться и которое обещает ему спасение. Потому и светлое, радостное учение из Умбрии приняло в его голове суровые и почти мрачные очертания, власяница была ему дороже, чем приветливый взор, а бедность его была не тайно торжествующей, но упрямо ожесточенной и самоедской.

Готлиб же шел дорогой своего учителя как дитя, с радостью и без чувства особого свершения, да и грехов искупать ему особенных не было надобности, ибо обращен он был еще в молодые годы, после мирной и прилежной жизни ученика садовника, и обратился он потому, что светлые, радостные повествования о жизни святого звучали в его ушах как сладостная музыка, и потому что представлялось правильным и легким подражать святому мужу из

Ассизи, живя по воле Божией, словно птица среди ветвей. Он тянулся к благодати Божией так же, как здоровый тянется к солнечному свету, и его умиротворенное существование нередко вызывало упреки и затаенную зависть обремененного паломника Эгидиуса, который самому себе в сравнении с этим юнцом казался инвалидом рядом с новобранцем.

Странники уже часов девять блуждали в окрестностях Оксфорда, и суровый, мрачный осенний день уже начал ранними сумерками угасать над лесом, а они так и не увидели ни крыши, ни стен, не набрали на охотничий домик и не приметили поднимающийся дымок. Погода же была неприветливой и удручающей, то и дело принимался мелкий холодный дождь, а временами порыв сурового ветра проносился над пустошью и шумел в лесу, беспокойно и мрачно, словно охваченный безумием король, не знающий, на ком сорвать свой гнев, и вообще не уверенный, стоит ли утруждать себя и далее обязанностями правителя, чтобы мир был свидетелем его негодования.

- Вот увидишь, - устало сетовал Эгидиус, - нам придется заночевать в лесу.

- Вполне может случиться, - соглашался Готлиб.

- Все мои члены болят, - вздыхал старший, - и я готов биться об заклад, что здесь немало волков.

- Не стану спорить, - добродушно отвечал Готлиб.

Весь день ему пришлось утешать спутника, ждать его и выслушивать его стенания, теперь же он утомился и думал, что и блаженный Франциск в своих странствиях испытывал, пожалуй, не большие лишения.

- Ты так спокойно говоришь это, - продолжал раздражаться Эгидиус, - тебя, я думаю, даже порадует, если я здесь останусь навсегда.

- Разумеется, нет, братец. Я останусь с тобой, как и обещал, можешь быть в этом уверен. Не затянуть ли нам псалом?

- Петь? Это на тебя похоже. Нет, я готов сейчас даже умереть, но петь псалмы не может потребовать от меня даже пресвятая Матерь Божья.

– Ну ладно, я только предложил, – успокоил его Готлиб и стал крепче поддерживать товарища, потому что пора было прибавить шаг. Дождь сеял им в лицо, а ветер после захода солнца все крепчал, словно с наступлением ночи им вновь овладела охота бушевать и творить назло людям всяческие бесчинства. Они шли теперь лесом и слышали, как наверху, в полуоблетевших кронах деревьев, металась и корчилась буря; когда же они снова вышли на открытое место, пронзительный ветер сердито рванул их рясы и завыл у них в ушах, как стая голодных волков. Брат Эгидиус вновь испугался и принялся бормотать о богах и демонах прежних языческих времен, а Готлиб, не слишком искушенный в науках, не мешал ему и слушал с легкой дрожью. Тучи, словно ошалевшее от ужаса стадо, неслись над залитой дождем пустошью, низкие и черные; вся земля, казалось, пригнулась от страха и уступила дорогу жутким существам, сбесившимся в стремительном полете от кощунственной дерзости или диких мучений совести.

Громко запел брат Готлиб навстречу враждебной ночи утешительный псалом, но его едва ли услышал цеплявшийся за него товарищ, столь шумно выказывала осенняя буря свой нрав. Она срывала благочестивые слова с губ певца и в ярости отбрасывала их прочь, вместе с истерзанными листьями и ветвями, затихала на время, а затем вновь набрасывалась на бедных чужестранцев.

Эгидиус умолк, он крепко держался, испуганный и изможденный, за своего спутника и шагал с поникшей головой в глухом унынии.

Оглушенные ветром и обессиленные, они чуть было не прошли мимо единственного пристанища, какое можно было найти в этой глуши, и заметили его только тогда, когда вдруг оказались перед мощной каменной стеной и прочными тесовыми воротами. Это был монастырь. Вздохнув, они остановились, пришли в себя и услышали за толстой стеной, словно доносящийся издали, невнятный шум, тут же подхваченный ветром и с озорством рассеянный им во тьме. Прислушавшись повнимательнее, они поняли, что это шум кутежа и что там внутри, без сомнения, шел веселый пир.

– Надо же, чтобы судьба привела нас к таким братьям, – безрадостно произнес Эгидиус. – Не позор ли это, когда из-за монастырских стен вместо хвалы Богу звучат бесовские пляски?

– Да пусть их, – рассуждал Готлиб, – не съедят они нас. Если же ты предпочитаешь провести ночь с волками, я готов.

– Нет, нет! – воскликнул Эгидиус. – Но я скажу им об этом, я разбужу их совесть, чтоб они устыдились и восхвалили Господа, пославшего нас к ним.

– Для начала хорошо бы нам попасть внутрь, милый брат, – урезонил его Готлиб.

И он взял свой посох орехового дерева и стал что есть силы бить по воротам.

Прошло какое-то время, но никто так и не появился. Однако над ними приоткрылось – незаметно для них – маленькое оконце, сквозь которое привратник рассматривал непрошенных гостей. После этого – Готлиб тем временем все испытывал ворота на прочность своим посохом – он преспокойно отправился к аббату и, сообщив, что в ворота стучатся два голодранца, осведомился, следует ли им открыть.

Аббат, бывший любителем увеселений и долгое время не видевший гостей, тут же с нетерпением спросил:

– Это актеры? Небось бродячие жонглеры или музыканты; кого еще в это время может занести в наши края! Ступай и спроси, и, если это жонглеры,пусти и веди их ко мне. Если же это нищенствующие монахи, или ищущие покаяния, или прочие тоскливые ночные твари, делай вид, будто не слышишь, и пусть убираются куда угодно.

Привратник вернулся к воротам, вновь открыл свое маленькое смотровое окошко и прокричал:

– Эй, вы там, кто будете?

– Дружище, – тут же воскликнул Готлиб в ответ, – открой нам, мы устали.

– Вы кто, жонглеры? – продолжал выкрикивать привратник. Однако ветер завывал отчаянно, а привратник был из северных краев и не понимал из всего, что ему говорили странники, даже половины, да и сами они с трудом разбирали его слова.

– Может, вы канатоходцы? – спросил он снова.

Те не поняли, потому как и слова такого прежде не слышали, и, чтобы положить конец ожиданию, Готлиб крикнул, запрокинув голову:

- Да-да, мы добрые братья, не беспокойтесь и впустите нас!

Привратник впустил их и наблюдал с презрительной жалостью, как бедные странники, измученные, нетвердой походкой, входили под крышу, отирая залитые дождем лица.

Он проводил их в трапезную, где собрались настоятель и братия в нетерпеливом ожидании.

Монахи забавлялись весь вечер, сочиняя новую игру в кости, из-за чего рассорились и угомонились только после потасовки; теперь же, выпив изрядно пива, они были рады, что нашлось новое развлечение.

- Бог в помощь, приятели, - воскликнул настоятель, встречая их, - так вы музыканты и скоморохи, это мне по нраву. Правда, по вашему виду этого не скажешь. Возьмите-ка по кружке пива да по хорошему куску ветчины, тогда и дело пойдет веселее.

Услышав такое обращение, оба монаха сконфузились. Готлиб смущенно молчал и глупо улыбался, Эгидиус же ощутил в себе порыв духа, он торжественно шагнул навстречу настоятелю, вытянул руку и воскликнул резким голосом:

- Увы, братья! Не балаганные шуты мы и не искатели приключений, но посланцы Господа, мы братья ваши и хотим научить вас тому, что завещал нам наш святой наставник. Потому придите в себя, дайте нам еды, а после того предадимся благочестию...

Напрасно тянул его брат Готлиб сзади за рясу. Еще не закончил он свою гремящую речь, как настоятель с красным от гнева лицом подскочил к нему, ударил по вытянутой руке и, толкнув в грудь, закричал:

- Что, собака, прощелыга бездомный! К нам в братья решил набиваться?! Учить нас собираешься? Смотри, как бы я не выбил тебе все зубы, рожа поганая! А теперь вон, эдакие гости нам ни к чему.

Приказ взбешенного настоятеля был выполнен, и не успели заочечневшие пальцы странников отойти в приятном тепле у огня, как их вытолкали взащей и они снова оказались за воротами, захлопнувшись за ними с громким стуком.

Коль скоро люди различны, так же различно отражаются в них события и вещи. Долгое время спустя, после того как братья Готлиб и Эгидиус расстались, каждый рассказывал эту историю о дурном приеме, оказанном им в монастыре под Оксфордом, по-своему, и неизвестно, кто из них говорил правду.

Брат Готлиб говорил каждый раз, когда речь заходила об этой истории:

– Когда мы вновь оказались на опушке леса, коченея, я тут только сообразил, что настоятель хоть и не о том думал, а все же был не совсем неправ. Ведь наш учитель Франциск и сам порой называл себя жонглером Божиим, и нам надлежало бы принять вызов и сказаться актерами, а затем учтиво и весело объявить о нашем учении. Следовательно, действовали мы неразумно, и поделом нам, что пришлось ночевать в сарае у скотного двора.

А брат Эгидиус рассказывал иное, и рассказ его донесла до нас молва:

– Да я бы лучше провел ночь с волками в лесу, чем вернулся бы под эту крышу. Мы подождали, однако, не охватит ли заблудших раскаяние, и правда, полчаса спустя выбрался из монастыря потихоньку юный монах, огорченный тем, что посланцы Господа в его доме испытали такой дьявольский прием. Он проводил нас в сарай у скотного двора, дал нам сена, и мы там переночевали. Но в ту же ночь привиделся мне сон, и видел я, как Господь Бог вершил суд над теми монахами, и приговорил их к повешению, и случилось так. И когда утром мы пробудились, из всех монахов монастыря в живых остался лишь тот монашек, остальные же лежали в своих постелях мертвые, а на шее у них были отметины от веревки, как у повешенных.

Chagrin d'amour[7 - Печаль любви (фр.).Миниатюра написана и опубликована в 1907 г., вошла в сб. «Fabulierbucli».]

В давние времена расположились как-то у Канволе, столицы страны Валуа, лагерем рыцари, разбив множество роскошных шатров. День за днем бушевал турнир, главным призом на котором была рука королевы Херцелоиды, девственной вдовы Кастиса, прекрасной дочери короля Грааля Фримутеля. Среди участников турнира можно было увидеть высоких властителей: английского короля Пендрагона, норвежского короля Лота, короля Арагона, герцога Брабантского, знаменитых графов, рыцарей и славных воинов, таких, как Моргольт и Ривалин; все они перечислены во второй песни «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха. Один прибыл за воинской славой, другой – ради прекрасных голубых глаз молодой королевы, большинство же – ради ее богатых и плодородных земель, ее городов и замков.

Помимо многих высоких властителей и именитых героев прибыло туда и целое воинство безымянных рыцарей, отчаянных смельчаков, головорезов и прощелыг без гроша в кармане. У некоторых из них не было даже своей палатки, они пристраивались на ночлег где придется, часто под открытым небом, накрывшись плащом. Лошади их жили на подножном корму, сами же они находили еду и питье за чужим столом, с приглашением или без, и каждый из них надеялся на удачу, если вообще помышлял о том, чтобы поучаствовать в турнире. Надежда была, в сущности, крайне мала, потому что лошади их были никудышные; а на плохом жеребце и самый смелый рыцарь вряд ли чего добьется на турнире. Многие и не думали о том, чтобы биться, а собирались лишь при всем этом присутствовать и по возможности присоединиться ко всеобщему веселью или получить от этого какую-нибудь выгоду. Настроение у всех было хорошее. Каждый день празднества и угощения, то в замке королевы, то у влиятельных и богатых правителей в лагере, и кое-кто из бедных рыцарей радовался тому, что турнирные бои так затянулись. Рыцари выезжали на прогулки, охотились, вели беседы, пили и веселились, наблюдали за боями и при случае пробовали свои силы, лечили раненых лошадей, дивились роскоши великих государей – не упускали ничего и радовались жизни.

Среди бедных и безвестных воинов был один по имени Марсель, пасынок незнатного барона на юге, привлекательный, несколько худощавый молодой рыцарь удачи в скромных доспехах и на слабенькой старой лошадке, которую звали Мелисса. Как и многие, он прибыл удовлетворить любопытство и попытаться счастья, да и от всеобщего празднества и благополучия получить немного. Среди равных себе и даже среди некоторых почтенных рыцарей этот Марсель добился кое-какой известности, правда не как воин, а как певец и жонглер, потому что умел сочинять стихи и очень приятно исполнять свои канцоны, играя на лютне. Он чувствовал себя как рыба в воде во всей этой суете, напоминавшей

ему большую ярмарку, и не желал ничего большего, кроме того, чтобы удалой воинский лагерь со всеми его увеселениями простоял как можно дольше. Как-то один из его покровителей, герцог Брабантский, пригласил его принять участие в пиршестве, устроенном королевой для избранных рыцарей. Марсель отправился вместе с ним в столицу, в замок; зал сиял великолепием, а чаши и кувшины дарили добрую усладу. Однако бедный юноша покидал веселье с нелегким сердцем. Он увидел королеву Херцелоиду, услышал ее проникновенный волнующий голос и отведал ее нежных взглядов. И теперь сердце его билось любовью к высокородной красавице, нежной и скромной, словно простая юная девушка, но на самом деле вознесенной на недостижимую высоту.

Конечно, он был волен, как и любой другой рыцарь, вступить в борьбу за нее и испытать свою судьбу на турнире. Однако ни конь его, ни оружие не были хороши для этого, да и назвать себя большим героем он не мог. Страх же он не ведал и был всем сердцем готов поставить свою жизнь на карту ради почитаемой им королевы. Однако силы его и сравнить нельзя было с силами Моргольта, или короля Лота, или тем более Ривалина и других героев – он хорошо понимал это. И все же не хотел отказываться от попытки. Он кормил свою Мелиссу хлебом и отборным сеном, которое ему удалось выпросить, он копил свои силы, стараясь побольше есть и спать, с особым усердием чистил и драил свои невзрачные доспехи. И несколько дней спустя он выехал поутру на поле и заявил себя на турнире. В противниках у него оказался испанский рыцарь, они помчались навстречу друг другу с длинными копьями, и Марсель вместе со своей лошастью оказался поверженным. Из рта у него шла кровь, все члены его ныли, однако он поднялся без посторонней помощи, увел свою дрожащую лошадку и умылся в ближнем ручье, у которого и провел остаток дня, одинокий и униженный.

Вечером, когда он вернулся в лагерь, и там и тут уже горели факелы, герцог Брабантский окликнул его по имени.

– Ты сегодня испытал свое воинское счастье, – сказал он добродушно. – В следующий раз, если снова решишься, возьми одну из моих лошадей, юноша, а если победишь, оставь ее за собой! А теперь давай веселиться, и спой нам добрую песню для отдыха!

Бедному рыцарю было не до пения и веселья. Однако ради обещанной лошади он согласился. Он зашел в шатер герцога, выпил кубок красного вина и попросил лютню. Он спел песню, и еще одну, слушавшие хвалили его и пили за его

здоровье.

– Да благословит тебя Господь, певец! – воскликнул удовлетворенный герцог. – Оставь бранные дела и поезжай вместе со мной ко двору, не пожалеешь.

– Вы добры, – тихо произнес Марсель. – Но вы пообещали мне хорошую лошадь, и, прежде чем я подумаю о предложенном, я хочу еще раз выйти на бой. Что значат хорошая жизнь и прекрасные песни, когда другие рыцари бьются за славу и любовь!

Кто-то засмеялся:

– Не думаете ли вы завоевать королеву, Марсель?

Тот вскочил:

– Я желаю того же, что и вы, пусть я всего лишь бедный рыцарь. А если мне не дано победить, то все же я могу сражаться во славу ее, истекать ради нее кровью и терпеть ради нее поражение и боль. Мне милее умереть за нее, чем без нее вести привольную бесславную жизнь. А кто посмеет смеяться надо мной, для того, рыцари, у меня есть острый меч.

Герцог повелел всем успокоиться, и вскоре все разошлись на ночлег. Тогда герцог подал знак и задержал певца, который тоже собирался уходить. Он посмотрел ему в глаза и сказал с доброй улыбкой:

– Ты еще молод, мой мальчик. Неужто ты и в самом деле собираешься бежать за призрачным видением, несмотря на несчастья, раны и боль? Тебе не стать королем Валуа и не заполучить королеву Херцелоиду в возлюбленные, ты прекрасно это знаешь. Что толку, что ты сшибешь на землю одного-другого рыцаря посильнее тебя? Тебе ведь придется уложить и королей, и Ривалина, и меня, и всех героев, чтобы достичь своей цели! Потому я и говорю тебе: если хочешь сражаться, начни с меня, а если не справишься со мной, то оставь свои мечты и иди ко мне на службу, как я тебе и предлагал.

Марсель покраснел, однако воскликнул не раздумывая:

– Благодарю вас, ваше высочество, завтра же я готов сразиться с вами.

Он удалился и отправился присмотреть за своей лошадью. Та приветливо заржала при его приближении, взяла хлеб у него из рук и положила голову ему на плечо.

– Да, Мелисса, – сказал он тихо и погладил ее по голове, – ты меня любишь, моя лошадка. Но лучше бы мы погибли где-нибудь по дороге в лесу, чем добрались до этого лагеря. Спи, Мелисса, моя лошадка.

На следующее утро, совсем рано, он поскакал в город Канволе и обменял там у одного горожанина лошадь на новый шлем и новые сапоги. Когда он уходил, Мелисса тянула за ним голову на длинной шее, а он шел и шел не оборачиваясь. Потом один из оруженосцев герцога привел ему рыжего жеребца, молодого и сильного, а часом позже и сам герцог выехал на поединок. Собралось много зрителей, потому что в бой вступал один из высокородных рыцарей. В первой стычке победа не далась никому, потому что герцог Брабантский пощадил юношу. Но потом он разгневался на безрассудного мальчишку и налетел на него с такой силой, что Марсель вылетел из седла, нога его застряла в стремях, и рыжий жеребец потащил его за собой.

Пока отчаянный юноша, покрытый ранами и ушибами, лежал в шатре для слуг герцога, где за ним ухаживали, в городе и лагере разнеслась весть, что прибыл Гашмурет, известный всему свету герой. Он ехал в блеске и великолепии, слава опережала его, словно яркая путеводная звезда, высокородные рыцари задумчиво морщили лоб, бедные и незнатные с восторгом встречали его, а прекрасная Херцелоида раскрасневшись смотрела ему вслед. На следующий день Гашмурет неспешно выехал на поле, вызвал соперников и выбил знатных рыцарей одного за другим из седла. Все вокруг говорили только о нем, он был бесспорным победителем, ему предназначалась рука королевы и ее страна. Больной Марсель тоже слышал пересуды, которыми полнился лагерь. Он понимал, что Херцелоида потеряна для него, он не хотел слушать, как восхваляли и славили Гашмурета, и он отвернулся от всего мира, стиснул зубы и желал одной только смерти. Но все-таки он услышал. Его посетил герцог, одаривший его одеждой и также говоривший о победителе. И Марсель узнал, что королеву от любви к Гашмурету бросает то в жар, то в холод. О Гашмурете же говорили, что он не только рыцарь французской королевы Анфлизы, но и покинул в краю язычников черную мавританскую принцессу, супругой которой он успел побывать. Когда герцог ушел, Марсель с трудом поднялся с ложа,

оделся и пошел, преодолевая боль, в город, чтобы увидеть победителя Гашмурета. И увидел его, мощного загорелого воина, настоящего великана богатырского сложения. Он походил на мясника. Марселю удалось пробраться во дворец и затеряться среди гостей. И он увидел королеву, нежную и юную, пылавшую от счастья и стыда, жаждавшую поцелуев заезжего героя. К концу пира его покровитель, герцог, заметил его и подозвал к себе.

– Позвольте, – обратился герцог к королеве, – представить вам этого юного рыцаря. Его имя Марсель, он певец, искусством своим часто доставлявший нам блаженство. Если пожелаете, он споет нам песню.

Херцелоида приветливо кивнула герцогу и рыцарю, улыбнулась и велела принести лютню. Юный рыцарь был бледен, он отвесил самый глубокий поклон и нерешительно взял протянутую ему лютню. Он пробежал пальцами по струнам и запел, неотступно глядя на королеву, песню, сочиненную им раньше в родной стороне. Однако после каждого куплета он добавил рефреном две простые строки, звучавшие печально и исходившие из глубин его раненого сердца. И эти две строки, впервые прозвучавшие в тот вечер в замке, вскоре стали известны повсюду, и все стали их напевать. Вот они:

Plaisir d'amour ne dure qu'un moment,

Chagrin d'amour dure toute la vie.[8 - Воспользовавшись образами и сюжетными ходами средневекового рыцарского романа (прежде всего «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха), Гессе создал свою версию возникновения старинной французской песенки «Муки любви»: Восторг любви продлится лишь миг, Печаль любви терзает всю жизнь.]

Закончив песню, Марсель покинул замок, и яркий отблеск свечей из окон замка озарял его путь. Он не стал возвращаться в лагерь, а пошел другой дорогой из города во тьму, чтобы навсегда оставить рыцарское ремесло и начать жизнь странствующего певца.

Отзвучали празднества и истлели шатры, герцог Брабантский, славный герой Гашмурет и прекрасная королева уже несколько столетий как покинули этот свет, все забыли город Канволе и турниры во славу Херцелоиды. Время сохранило только их имена, кажущиеся нам странными и покрытыми пылью веков, а еще стихи юного рыцаря. Их поют и по сей день.

Кончина брата Антонио[9 - DER TOD DES BRUDERS ANTONIOНаписано в 1904 г., первая публикация - 1908 г.; новелла вошла в сб. «Fabulierbuch».Для образа брата Антонио Гессе явно позаимствовал некоторые черты биографии Франческо Петрарки.]

Глубокочитимая госпожа и любезная сестра во Христе! До меня дошла ваша просьба, и я описываю вам в настоящем письме те события, о которых вы желаете узнать, не жалея на то сил. Ибо хотя вы, вам это известно, мне совершенно незнакомы, у меня есть основания полагать, что вы хорошо знали усопшего в прежние времена, а посему извольте сие мое известие прочесть и осмыслить, проявив снисходительность к слабости моего пера.

Смерть, которую блаженный Франциск называл «нашей любезной сестрицей», забирает многих людей как легкую и послушную добычу. Другие же, и среди них есть благочестивые и мужественные люди, уступают ей лишь после упорной борьбы и против воли, словно ненавистному врагу. Среди этих последних и мой досточтимый собрат Антонио, чья кончина исполнила меня глубокого ужаса и такого изумления, что я не забыл ни одного его слова, ни одной морщинки на его лице, равно как и ни одного движения его рук.

Правда, самой смерти его я не видел, но оставался почти до самого этого мгновения у его одра. Все, что мне об этом известно, я постараюсь записать и прилежно вам сообщить. Не препятствует мне и мое искреннее уважение к покойному, ибо по многим размышлениям я совершенно уверился, что Антонио умер достойной смертью и был принят Господом милосердно, как верный раб Божий.

Было это холодным утром, тому четыре месяца назад, когда ко мне пришел вестник от брата Антонио и прокричал: поднимайся и поспеши, ибо брат наш Антонио близок к смерти и не много часов ему еще осталось быть с нами. Я испугался и, захватив свой посох, в большой спешке последовал за этим человеком через гору. Путь далек, да к тому же крут и неудобен, и мы шагали шесть часов до привала, да потом еще два часа, а печаль и тревога сжимала наши сердца, так что ни один из нас не мог произнести ничего, кроме нескольких незначащих слов. И вестник, до того проведший в пути полночи, чтобы поспеть за мной, изнемог до того, что я оставил его у дороги и добрался до цели в одиночку. Стремительно, как если бы помолодел на много лет,

взобрался я на холм и нашел нашего брата в хижине спящим. Он лежал спокойно, дышал слабо, и лик его был отмечен печатью смерти. Я уселся у его ложа, осторожно взял его правую руку и бдел над ним. Но поскольку я человек весьма преклонного возраста и тело мое ослабло от долгого пешего перехода, случилось так, что я задремал, и прошло, видимо, около часа, прежде чем я вновь пробудился. И оказалось, что больной держит мою руку и не отрывает от меня глаз, не говоря ни слова. Стыд охватил меня из-за того, что я заснул, и я был подавлен.

– Брат Антонио, – сказал я, – видишь, я пришел, чтобы проститься с тобой. Блажен ты, стоящий так близко от престола Господня.

Антонио хранил молчание и улыбался как-то по-особому, словно не верил моим словам. Я-то думал, он посмеивается, что я заснул, и потому смиренно попросил его прощения и хотел узнать, какую службу я мог бы ему сослужить.

– Открой дверь настежь! – сказал он мне.

Я исполнил его повеление. А так как он по-прежнему молчал, я спросил вновь, какой услуги он от меня еще ожидает.

– Раскрой и крышу! – отвечал он, показывая пальцем вверх.

Тогда я вышел из хижины и вынул две доски из кровли, исполнившись удивления, что бы это могло значить. Когда я вновь подошел к его ложу, его взгляд был прикован к просвету в крыше. И он снова улыбался, и это было удивительно.

– Я шесть дней не видел неба, – воскликнул он, обращаясь ко мне, и попросил еще посидеть с ним.

Я тут же согласился, и он вдруг начал громко и с жаром говорить. Глаза его горели как свечи, а руки двигались как руки человека, витийствующего перед толпой. А слова его были таковы:

– Вы, говорящие о жизни и смерти, что знаете вы о том? И кто из вас уже умирал горькой смертью, чтобы знать ее? Однако и о жизни вам известно не много, ибо

глаза ваши слепы и чувства ленивы. Однако я знаю, что же такое жизнь, ибо взор мой был ясен, а ныне смерть стоит у моего одра. Я знаю, как велика и обильна чудесами земля и как прекрасно и коварно море. И воистину тот маленький лучик, что посылает солнце в мое жилище, приносит мне больше радости, чем все пережитое мною прежде среди людей.

О ясное солнце! О просторные дали! О горы, на которых я стоял, и ручьи, из которых я пил! О моя далекая родина и о моя юность!

Бедные вы, несчастные люди, сколь скудно и безрадостно течение вашей жизни, подобное мутным водам, раньше срока иссякающим в песках! Да откройте же глаза ваши и узрите, сколь чудесна и восхитительна земля, на которой вы обитаете! Взгляните же, сколь кротка и таинственна долина, освещаемая луной, и сколь исполнено блеска море, из которого поднимается солнце!

Мне эта речь показалась удивительной, и я озаботился, как бы брат мой не закрыл глаза, так и не помянув имя Господне. Потому я тихонько толкнул его и помахал ему рукой. Он же помолчал краткое время и улыбнулся, затем обратился ко мне очень тихим голосом:

– Брат Дженнаро, по пути сюда ты перевалил сегодня через гору, с вершины которой можно увидеть одновременно море и большие заснеженные горы. На том месте стоит клен и резная фигура скорбящей Богоматери. Знаешь ли ты это место?

И, получив положительный ответ, он продолжал:

– Хорошо, ты его знаешь. Тебе, должно быть, доводилось видеть оттуда бурю на море, а над белыми далекими горами голубую небесную высь и белые облака. И ты видел клен и лежал, отдыхая, в его округлой тени. И ты вдыхал запах его листьев и морской воздух, а взгляды твои бежали дальше, вниз, в прекрасные светлые луга.

– Да, – отвечал я, – все так, как ты рассказываешь, и я часто все это видел.

– Хорошо, – сказал Антонио, – так вот, всего этого я больше не увижу – ни гор, ни клена, ни моря, ни светлых лугов.

– Так и есть, – отвечал я, – не прийти тебе уже на то место, твой путь лежит к ангелам Господним.

– А город, в котором я родился, – продолжал он, – и реку нашу, и все это тоже я больше не увижу?

– Нет, – сказал я вновь, – Богу так угодно.

– Брат мой, – воскликнул он громко, – ту реку и голубое небо и все эти прекрасные и восхитительные земные вещи я люблю больше, чем тебя и всех людей и чем всех ангелов Господних!

Тут сердце мое вздрогнуло так, что я побледнел, и бросился на колени, и стал молиться Господу. Затем я поднялся и обратился к недужному:

– Я не слышал того, что ты сказал. Но умоляю тебя, скажи мне, что любишь Бога больше, чем все моря и восхитительные вещи этой земли!

И тогда он немного нагнулся, тут я увидел, что глаза его были полны слез. И он произнес:

– Господи Боже, я люблю Тебя больше своей собственной жизни, помилуй душу мою.

После этого он совсем затих, а я сидел рядом, и мы плакали и вздыхали, пока солнце не ушло из хижины. Когда это произошло, он вновь вскричал чрезвычайно пронзительно и простер руки. Я подумал было, что пришел его конец, и дал ему святое причастие. Он успокоился и поблагодарил меня сердечными словами. После этого попросил оставить его.

– Ступай же, – проговорил он, – мой милый брат, тебя там заждались. Пусть я умру в одиночестве, ибо я знаю, что иначе с этой минуты ты станешь бояться смерти как огня. Дай мне благословить тебя!

Он благословил меня с большим жаром и поцеловал, словно отец сына, хотя был ненамного старше меня. И я оставил его, раз он так хотел, и отправился восвояси. Однако душа моя была полна смущения, а сердце мое разрывалось от

горя и сдавившей его тяжести. Молясь и вздыхая, шел я своей дорогой, а когда достиг того клена и увидел море, поблескивающее в свете восходящей луны, мрачные мысли одолели меня, так что я бросился наземь и долго лежал недвижимо, как сраженный. Поднявшись же вновь с земли, я увидел открывавшиеся по обе стороны обширные долины, освещенные луной, и небо, усеянное звездами.

С того часа я никогда не забывал дорогого брата Антонио, более того, часто размышлял о его речах и обо всем, что мне было известно о его жизни и нраве. Во всем я усматривал власть и неисчерпаемую любовь Господа, сделавшего Антонио блаженным мудрецом. Ведь прежде он был не только состоятельным мужем благородного сословия и сластолюбцем, но также поэтом и известным любителем светских наук, знавшим даже греческий язык и множество прочих искусств, в которых наша бедная душа не нуждается. Рассказывали, что он испытывал грешную любовь к одной знатной даме и посвятил ей целую книжицу латинских стихов. Даже и в то время, когда я уже давно знал и глубоко чтил его за благочестие и мудрость, он мог вдруг заговорить так, как это делают поэты, в некоем воодушевлении, обращаясь к горам и ветрам, словно бы у них есть душа. И один раз я скромно указал ему на это, как на занятие недостойное, даже языческое. Тогда он бесстрашно рассмеялся и сказал:

– Разве не ведомо тебе, что святой Франциск называл все эти вещи «нашими братьями и сестрами» и что он проповедовал даже птицам и другим тварям? Истинно, я знаю, что каждая былинка на поле свята и дорога Господу. И что рыбы, немые и обитающие в глубинах водных, ему угодны, и святой человек, имя которого я ношу, проповедовал им Евангелие.

Таким вот образом его сердце, которое оказывалось по отношению к людям порой суровым и строгим, было благосклонно ко всякого рода природным и милым сердцу вещам, отчего он также всех животных и даже маленьких мушек и жучков называл «святыми» и обходился с ними с большой осторожностью. Вот что сказал он однажды:

– Если ты обидишь человека, он может отомстить за это или простить тебя. Невинные же растения и животные отданы Богом на попечение человека, чтобы он любил их и присматривал за ними, как за меньшими братьями. Если ты сделаешь человеку приятное, платой тебе за это будет его благодарность и его любовь, однако когда ты щадишь жучка, рыбу, или птицу, или же малое растение, а то и побольше или выказываешь им свою любовь, то делаешь

угодное Господу. И когда ты после смерти предстанешь пред Ним как благочестивый христианин и проповедник, Он, быть может, спросит тебя: «Почему ты раздавил этого червя? Почему ты сорвал этот цветок и бросил его? Почему ты сломал эту ветвь? Все это ты причинил Мне».

Более десяти лет назад Антонио сочинил длинное и прекрасное стихотворение о пчелах и о том, как они умеют жить словно народы, приготавливая удивительным образом мед. Он сам прочел мне его, и я немало дивился правдивости и красоте его слов. Когда же я его в другой раз спросил, почему он, раз уж Бог сделал его поэтом, не воспел страданий Спасителя или жизнь блаженных отцов церкви, он серьезно задумался и отверг мои предложения.

– Помысли, – сказал он, – как могу я дерзнуть описать в стихах Господа и Его священное имя, если мне и малейшее из Его творений, вроде тех самых пчел, представляется столь удивительным и непостижимым.

Однако довольно об этом. Вы желаете узнать о кончине Антонио, так что я напишу далее то немногое, что дошло впоследствии до моих ушей.

Вскоре после того, как я покинул умирающего, выполняя его собственную волю, навестил его козопас из Торре и оставался у нашего брата до самой его смерти. Он обнаружил его очень ослабшим, но лежащим с открытыми глазами, и, когда он спросил у Антонио, какую службу он может ему сослужить, тот поблагодарил его слабым голосом, так ни о чем и не попросив. А некоторое время спустя он начал говорить очень тихо и в ясном уме. Он расспрашивал пастуха о его стаде, о том, сколько у него козлов и как их зовут, сколько им лет и какого они нрава, так, как разговаривают между собой пастухи. После этого он спросил:

– Есть у тебя в стаде маленькие козлята? Когда пастух ответил утвердительно, Антонио назвал ему разные травы, полезные, если козлята заболеют. Некоторые из этих трав были пастуху известны, некоторые же нет, и тогда умирающий описал их с чрезвычайной ясностью.

– Не забудь, – сказал Антонио, – что все эти скотинки, пусть еще столь малые, созданы Богом и явлены нам живыми чудесами Его доброты. О них должна быть твоя забота, не обо мне, ибо я, как видишь, утлая посудина, и жизнь моя неудержимо утекает. Ты же должен каждый день своей жизни думать обо мне, чтобы радоваться своей жизни, пока она еще продолжается. Ибо однажды и

твои силы иссякнут, и ты вкусишь смерти, а вкус ее горше, чем может измыслить мысль. Как бы ни была тяжела твоя жизнь, друг мой, смерть все же гораздо тяжелее и ужаснее. Знай это и радуйся своим дням, пока наслаждаешься жизнью.

После этого он долго молчал, и силы его таяли. И все же он заговорил вновь и произнес эти странные слова:

– Кто жаждет женщины и любит ее, но не знает, отвечает ли она ему тем же, тот страдает, и жизнь его тяжела, и всякий мужчина испытал это в сердце своем. Однако тот, кто жаждет Бога и любит Его, тот страдает еще более тяжко, и страдание его бесконечно, ибо он никогда не узнает, сможет ли он удостовериться в любви Божией.

Больше он уже ничего не говорил. Пастух же рассказал: умирающий бросал вокруг себя все более ясные взгляды, рассматривая в том числе и свою руку все более пристально и словно изумленно, и несколько раз кивнул головой. Затем он улыбнулся доброй и печальной улыбкой и вскоре скончался. Мир праху его!

Вот и все, что я могу сообщить. Примите это немногое благосклонно, и да благословит вас Господь! Этого вам желает ваш покорный слуга и брат во Христе

Фра Дженнаро.

Рассказчик[10 - DER ERZ?HLERРассказ написан в 1903 г., впервые опубликован в 1904 г., вошел в сб. «Fabulierbucli».]

В монастыре, расположенном высоко в тосканских Апеннинах, сидел у окна своего уютного покоя престарелый господин духовного сословия, гостивший в обители. За окном летнее солнце заливало жаром стены, узкий, похожий на крепостной, двор, каменные лестницы и крутую мощенную камнем дорогу – жаркий и утомительный путь из зеленой долины к монастырю. Дальше простирались плодородные долины, сады, щедро заросшие оливами, фруктовыми деревьями и виноградной лозой, светлые маленькие селения с

белыми стенами и изящными башнями, а за ними высокие, голые, красноватые горы, на которых то там, то тут располагались окруженные стеной усадьбы и маленькие белые виллы.

На широком подоконнике перед стариком лежала книжечка. Переплет ее был сделан из старого пергамента, на котором все еще пылала, выведенная киноварью, буква. Он только что читал ее, а теперь, играя, поглаживал белой рукой книжицу, задумчиво улыбался и слегка покачивал головой. Томик этот не из монастырской библиотеки, да и был бы там совсем некстати; ведь содержались в нем не молитвы, не благочестивые размышления и не жития святых отцов, а новеллы. Этот сборник новеллино[11 - Имеется в виду сборник рассказов «Новеллино», возник в середине XIII в. и стал своего рода прелюдией к литературе итальянского Возрождения.] на итальянском языке появился совсем недавно, и на его изящно отпечатанных страницах можно было прочесть много всякой всячины, нежные истории о рыцарстве и дружбе вперемежку с проделками прожженных шельмецов и сочными описаниями прелюбодеяний.

Несмотря на кроткую внешность и довольно высокий церковный сан, у дона Пьеро не было причин смущаться этих светских соленых историй и побасенок. Он немало повидал на свете и немало испытал наслаждений, к тому же он и сам был сочинителем множества новелл, в которых щекотливость приключений состязалась с деликатностью их описания. Сколь изобретательно ухаживал он в молодые годы за прекрасными дамами, сколь ловко карабкался, чтобы проникнуть в запретные окна, столь же умело и складно научился он позднее рассказывать о своих и чужих приключениях. Хотя он не напечатал ни одной книги, написанные им истории знала вся Италия. Он любил более утонченный способ распространения сочинений: он заказывал искусному писцу рукопись своих историй, каждой отдельно, и посылал такой лист или тетрадку то одному, то другому из своих друзей в подарок, всегда сопровождая лестным или шутивным посвящением. Эти драгоценные пергаментные списки поначалу ходили по рукам в аббатствах и при дворах, их пересказывали и переписывали снова и снова, и так они оказывались в тихих отдаленных замках, в каретах путешественников и на кораблях, в монастырях и домах священников, в мастерских художников и в хижинах ремесленников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/german-gesse/kniga-rosskazney/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

DIE BELAGERUNG VON KREMNA

Рассказ написан в 1908–1909 гг., первая публикация – 1910 г., вошел в сб. «Fabulierbucli».

Сюжет рассказа отнесен ко времени правления в Риме так называемых «иллирийских императоров» (вторая половина III в. н. э.), когда римские власти столкнулись со множеством восстаний в провинциях.

2

DER VERLIEBTE J?NGLING

Легенда написана и опубликована в 1907 г., вошла в сб. «Fabulierbucli».

3

имеется в виду преподобный Иларион из Газы (291–372) – ученик св. Антония Великого, основатель монашества в Палестине, прославился излечением бесноватых и одержимых. Фигура Илариона вновь появляется в романе «Игра в бисер».

4

HINRICHTUNG

Притча написана в 1908 г., опубликована в 1910 г.

5

?BLE AUFNAHME

Легенда написана в 1912 г., опубликована в 1912 г., вошла в сб. «Fabulierbucli».

6

Св. Франциск Ассизский – принадлежал к числу любимых фигур Г.Гессе, о которых он неоднократно писал.

7

Печаль любви (фр.).

Миниатюра написана и опубликована в 1907 г., вошла в сб. «Fabulierbuch».

8

Воспользовавшись образами и сюжетными ходами средневекового рыцарского романа (прежде всего «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха), Гессе создал свою версию возникновения старинной французской песенки «Муки любви»:

Восторг любви продлится лишь миг,

Печаль любви терзает всю жизнь.

9

DER TOD DES BRUDERS ANTONIO

Написано в 1904 г., первая публикация – 1908 г.; новелла вошла в сб. «Fabulierbuch».

Для образа брата Антонио Гессе явно позаимствовал некоторые черты биографии Франческо Петрарки.

10

DER ERZ?HLER

Рассказ написан в 1903 г., впервые опубликован в 1904 г., вошел в сб. «Fabulierbucli».

11

Имеется в виду сборник рассказов «Новеллино», возник в середине XIII в. и стал своего рода прелюдией к литературе итальянского Возрождения.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/german-gesse/kniga-rosskazney-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)